

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Среда, 25-го Декабря 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11807.

ЧАСЫ СТАРАГО ЗАМКА.

Я, кажется, уже говорилъ вамъ, что мое путешествіе по Италии съ товарищемъ Дмитріевымъ до сихъ поръ является однимъ изъ наиболѣе яркихъ и удивительныхъ воспоминаній моей жизни.

Я еще учился въ Парижѣ, когда Дмитріевъ имѣлъ уже солидную практику въ своемъ раюнѣ,—онъ былъ врачомъ,—жилъ широко и съ своими насыщенными, немногими грустными глазами и острымъ курчавой бородкой походилъ на французского рабочаго, который еще не облѣнился окончательно.

Раза два въ недѣлю его квартира на rue Pontoise превращалась въ настоящій богемскій кабачокъ, и, Боже мой, какъ здѣсь ъли и пили изголовившися эмигранты и просто случайные бродяги! Я знаю, что этой благотворительностью отчасти и объяснялось гостепріимство хозяина.,

Умный, добрый, грустный,—онъ совсѣмъ шель навстрѣчу, и рѣдко кто не былъ долженъ „русскому эскулапу“ Дмитріеву нѣсколько франковъ.

На этихъ собранияхъ мы и подружились съ нимъ. Потомъ онъ началъ болѣть, кашлять, и вотъ мы отправились вмѣстѣ въ итальянское путешествіе.

Сначала все было такъ прекрасно. Иногда цѣлые переходы между маленькими городками мы совершили пѣшкомъ. Поочередно тащили при этомъ небольшую телѣжку, сооруженную для насъ какимъ то деревенскимъ столяромъ; на ней лежалъ нашъ скромный багажъ, запасъ провизіи и, конечно, нѣсколько фіасокъ съ краснымъ виномъ.

Не забуду нашихъ завтраковъ гдѣ нибудь на дорогѣ, подъ пиніей! Было такъ

много солнца, небо казалось совсѣмъ стекляннымъ, дали были изломаны мягкимъ узоромъ горы, а мы пили вино, ъли фрукты; такъ полно отдыхали въ утренней прохладѣ и говорили съ искусствомъ, о нашихъ впечатлѣніяхъ, о томъ, какъ чудесно многообразна жизнь.

Но чѣмъ болѣе къ югу спускались мы, тѣмъ грустнѣй становился мой товарищъ. Я боялся подозрѣвать, но иног-

какъ то разъ, незадолго до Рождества, мы вернулись домой послѣ скромнаго ужина въ кафе на piazza Сильвестра. Почему то особенно хорошо помню этотъ вечеръ,—въ нашей большой, квадратной комнатѣ горѣлъ каминъ, и когда мы подбросили въ него свѣжихъ дровъ—стѣны и поль окрасились въ мягкой рыжевато-красный цвѣтъ.

Товарищъ сѣлъ у камина и мечталъ вслухъ.

— Для моихъ легкихъ это самый благословенный край, но, Боже мой, съ каюко радостью я полетѣлъ бы сейчасъ въ Россію! Здѣсь все какое-то слишкомъ нѣжное, женственное, а тамъ, напротивъ, все крѣпко. румяное, здоровое, мужицкое. А зима, а елки, а это особенное оживленіе, особенная веселость, которыя охватываютъ человека только на морозномъ воздухѣ! Чортъ возьми, —закатиться куда-нибудь на тройкѣ! Потомъ вѣжать съ бѣлой холдной бородой въ теплую комнату, звонко крякнуть, подсѣсть къ пузатому самовару! Горячій чай, да хватить туда солидную порцию рому! А рядомъ сидѣть хозяйка, бѣлая, дородная,

подбородокъ развѣсила на груди. Ну, какая-нибудь Евфимія Петровна или Пелагея Григорьевна, которая и создана для того, чтобы кулебяку готовить, да около самовара сидѣть. Что, братъ, ловко? Ну, а если ушипнуть ее за полное плечо, и она захочетъ во все горло!

Онъ передохнулъ и задумался.

— Скучаю я уже. Домой хочется. Къ медвѣдямъ потянуло.

Меня увлекли его слова. Я сказалъ:

— Послѣ твоихъ описаній хотѣтъ кого потянетъ. Какой ты врачъ?! Тебѣ писать бы надо.

Онъ замѣтилъ съ улыбкой:

Мадонна Рафаэля.

да мнѣ казалось, что у него чахотка и наиболѣе злая. Сухой и какой то звонкій кашель друга,—вотъ что стало все чаще и чаще смарачивать меня.

— Пустяки, — успокаивалъ онъ меня.— Ты профанъ. Ты ничего не понимаешь, а я чувствую и понимаю каждую каждую клѣточку моего организма. Еще не скоро.

При этомъ онъ улыбался и дѣлалъ видъ, что все это его совершенно не беспокоитъ.

Ноябрь и первую половину декабря мы провели въ Римѣ. Зима была особенно теплой, и мой другъ выгляделъ совсѣмъ бодро.

— Талант во всем талантъ.
Съ минуту смотрѣль на огни камина, наморщивъ свой большой умный лобъ, потомъ быстро всталъ, приблизился и хлопнуль меня по плечу:

— Знаешь что, надоѣлъ мнѣ Римъ! Нужно будеть хоть чѣмъ нибудь отмѣтить Рождество. Ты согласенъ?

— Хорошо, хо-
рошо.

— Конечно, хо-
рошо. Подумай самъ, что это за Рождество! Цвѣты про-
даютъ на улицахъ. На Пинчіо разгули-
ваютъ чутъ ли не въ лѣтнихъ туале-
тахъ. Какая то солнечная Пасха.

— Такъ, но что же дѣлать?

— Очень просто. Ты со мной, какъ около нянки, ничего самъ не выдумашь. Отправимся куда нибудь въ го-
ры. Тамъ хоть на вершинахъ есть снѣгъ. Наконецъ, перемѣна обстановки. Я это всегда любилъ. Еще гимна-
зистомъ, надоѣсть мои комнатки, начиню все перестав-
лять. Столъ на мѣсто дивана, кровать на мѣсто стола и т. д. Затѣмъ приглашай товарищей на чай и торжест-
венно объявляй: «Перѣѣхалъ на новую квартиру».

Хорошо, пойдемъ. Только не стоять далеко забираться. Тоже не интересно провести праздники въ дорогѣ.

Дмитріевъ раз-
смѣялся.

— Да куда же мож-
но далеко забрать-
ся въ этой Италии! Сѣль въ поѣздѣ, не успѣль познакомиться съ хро-
шеныкъ сосѣдкой и уже прѣѣхалъ. Ее вдоль и поперекъ перешагнуть можно. Сейчасъ что нибудь и выберемъ. Я, вѣдь, знаю, — ты какъ осядешь, такъ ужъ не съ мѣста. Осѣдлый человѣкъ, — тебѣ нельзѧ поз-
волять долго за-
живаться на мѣстѣ.

Онъ взялъ со стола свой французскій путеводитель «Lazio», попросилъ меня зажечь лампу и началъ перелистывать страницы.

— А вотъ, — хлопнуль онъ рукою по книжѣ, — Чивита Кастеллано. Путеводитель утверждаетъ, что это ма-
ленький дикий городокъ, очень интере-
сный, который простирается въ горахъ,

Иисусъ на пути въ Єрусалимъ.

Картина Плакорста.

могу тебя успокоить, — это совсѣмъ недалеко.

Мы рѣшилиѣхать. Я радовался оживленію товарища. Увы, это былъ послѣдній день, когда я видѣлъ его относи-
тельно здоровымъ и веселымъ.

На утренній поѣздѣ мы опоздали и потому выѣхали позже, а въ Чивита Кастеллано прибыли уже вѣчеромъ.

Беттурино — извозчикъ, чутъ ли не единственный во всемъ городкѣ, встрѣтилъ насъ благосклонной улыбкой, сразу потребовалъ три лиры и заявилъ, что въ противномъ случаѣ онъ не сдвинется съ мѣста.

— Ни одного чен-
тезима менѣе, поч-
тенные синьоры.

Не знаю, что предствляетъ со-
бою этотъ городокъ сейчасъ, но тогда онъ, дѣйствитель-
но, походилъ на какое то разбой-
ничье гнѣздо.

(Тѣ піца, кото-
рыя я могъ разсмот-
рѣть при слабомъ
свѣтѣ уличныхъ фон-
нарей).

Мы усердно зна-
комились съ ними.

Страшно сотря-
сая наши тѣла, бет-
турино едва полѣзъ
по узкимъ, темнымъ
уличкамъ, по сторо-
намъ которыхъ бы-
ли не дома, а какія
то безформенные
каменные глыбы.
Они являлись ка-
кимъ то естествен-
ныемъ продолжені-
емъ горъ, среди
которыхъ располо-
жились.

Иногда гдѣ-ни-
будь бросалась въ
глаза свѣтлая впа-
дина кофейни или
остеріи. Рыжеватыя
за опечеными стѣнами,
тяжелые, почти чер-
ные отъ грязи сто-
лы, и въ этомъ по-
лусвѣтѣ какіе-то
растрапанные нео-
предѣленные силу-
эты людей. Ихъ
голоса доносились
къ намъ грубыми
обрывками, совсѣмъ
не похожими на
мелодичный
итальянскій языкъ.

Здѣсь что не дере-
вушка, особено въ
горахъ, то и свое
индивидуальное на-
рѣчіе.

Прохожихъ два-
три и обочтесья.
Да и то больше рабочи-
е съ понурыми
осликами, кото-
рые тащили на сво-
ихъ спинахъ опо-
рожченныя винныя
бочки.

Желтые мигающіе
фонари были такъ
рѣдки, что не освѣщали эти закопче-
ныя улички, а, кажется, напротивъ, под-
черкивали густой неподвижный мракъ.

— Веселенькое мѣстечко, — пробур-
чалъ я.

— Можетъ быть, и невеселенькое, зато
новое, — замѣтилъ Дмитріевъ. — Мы здѣсь
проживемъ съ тобой, какъ на необитае-
момъ островѣ. Будемъ мечтать, будемъ
гадать, вспоминать прошлое, а все это

какъ нельзя болѣе подходить къ рож-
дественскимъ настроеніямъ.

— Гостиницы здѣсь нѣтъ, заявилъ
вдругъ беттурино и повернулся къ намъ.
Его лошадь тоже, кажется, повернула въ
нашу сторону свою голодную, печальную,
осинную морду.

— Но куда же ты взялся везти?
— Нѣтъ albergo, но имѣется...

Беттурино началъ простиранно объ-
яснять это «имѣется», но мы его рѣши-
тельно не хотѣли понять.

— Вези, вези, сказалъ я. — Все равно.

— Сто чертей ему въ затылокъ! —
ругнулся по-руски Дмитріевъ.

Но когда мы приѣхали къ свое-
му неизвѣстному пріюту, онъ уже
не ругался.

— Это занимательно, сказаль
онъ, — словно въ сказкѣ, — и въ
его голосѣ прозвучала какая то
грустная нотка.

Но эту сказку мы хорошо раз-
смотрѣли только на слѣдующій
день.

Это былъ старый, коричневый,
наполовину разрушенный домъ.
Впрочемъ, ему къ лицу другое
опреѣленіе. Пожалуй, замокъ,
палацио какихъ-нибудь давно
истѣвшихъ дуковъ.

Единственный уцѣплѣвший бал-
конъ свѣсился внизъ и напоми-
налъ кулакъ, который каждую
минуту готовъ опуститься на
вашу голову.

Правый уголъ, тѣ, вѣроятно,
возвышалась башня, былъ ши-
роко завѣтъ площемъ. Это люби-
тель смерти и разрушенія.

Внизу помѣщалась лавка, гдѣ
продавалась подозрительная сухая
рыба, хлѣбъ, сыръ, вино и сви-
нина. Но каждая итальянская
лавка вѣмѣтъ съ тѣмъ и трак-
тиръ. И когда мы подѣхали,
здѣсь за столиками уже засѣда-
ла компания лохматыхъ людей,
которые посмотрѣли въ нашу сто-
рону хмуро и непривѣтливо.

Хозяинъ внизу торговалъ, а
наверху сдавалъ комнаты. Онъ
отрядилъ съ нами какого то уг-
рюмого старика, вѣроятно, своего
дѣда. Мышли за его свѣчѣ по
узкой каменной лѣстницѣ, а
потомъ по коридору, еще болѣе
узкому, съ черными стѣнами, по
которымъ свѣтъ скользилъ по-
добно блѣдной восковой улыбкѣ.

Комнатки походили на кельи, выруб-
ленныя въ камнѣ. Поэтому мы не могли
помѣститься въ одной и заняли двѣ, по
краямъ коридора.

Я помылся и зашелъ къ товарищу.

— Хорошенький пріютъ, сказаль онъ.
— Исключительно для любителей сыро-
сти, мышей и гробового молчанія. По-
смотри эту мебель, — изъ нея можно по-
строить несокрушимыя барраки. Спин-
ка кровати занимаетъ полстѣни. Эта
комодъ, эти часы въ углу. Циферблать
заржавѣлъ, а деревянная рама такая
черная, крѣпкая, что напоминаетъ же-
лѣзо.

Дмитріевъ подошелъ къ комоду и на-
лилъ стаканчикъ вина.

— Это невредно, сказаль онъ, замѣ-
тивъ мой беспокойный взглядъ. — Пустя-
ки. Если оберегать себя отъ каждой
мелочи, то и жить не стоитъ.

— Когда-нибудь, продолжалъ онъ все
такъ же грустно, — здѣсь жили какіе-
нибудь важные синьоры. Конечно, раз-

Среда, 25-го декабря 1913 года.

ЮЖНЫЙ КРАЙ.

бойничали, потому что въ старину всѣ
итальянскіе синьоры только этимъ и
занимались, Ну а здѣсь цвѣла какая-
нибудь прелестная синьора, молилась
Мадоннѣ въ кастелланскомъ соборѣ съ
химерами, смиренно улыбалась мужу,
а ночью въ это окно прокрадывалась лю-
бовникъ и, возможно, попадалъ на эту
самую монументальную постель.

Товарищъ задумчиво разматривалъ на
свѣтѣ вино въ своемъ стаканѣ.

— Была жизнь и остановилась. Вотъ
какъ эти часы. Никакой мастеръ не за-
ставитъ болѣе двигаться ихъ тяжелыя

наступиль сочельникъ. Мы провели
его въ бѣсѣдѣ и воспоминаніяхъ.

— Какъ быстро течетъ жизнь, — съ
грустью говорилъ мой товарищъ. — Ка-
жется только вчера былъ университетъ, все
это безпокойство съ дѣлами римскаго
права и столько самыхъ разнообраз-
ныхъ удовольствій. Знакомства съ ми-
лыми дѣвушками, вечера, вечеринки. По-
мню, по субботамъ собирались мы у
одного доброго знакомаго. Онъ отъ ро-
дителей хороши деньги получалъ, ну и,
слѣдовательно, ублажалъ компанію. Вы-
пивка, холодный ужинъ и предваритель-
но — безконечный чай, — нѣсколько
самоваровъ. Вносила ихъ къ
намъ полная, здоровая дѣвка, прости-
вала, аѣ подтыканной юбкѣ. Такъ ходила она и осеню
и зимой. Пощучивали мы съ ней,
а она удивительно хохотала. Какъ
взревѣтъ, какъ заплатеется, —
оконные рамы дрожали. Кажется
мы именно этого эффекта и до-
бивались. Ну, чай, разговоры, Рус-
скіе разговоры. Сначала о ста-
рыхъ прорванныхъ калошахъ, о
системѣ экзаменовать какого-ни-
будь профессора, затѣмъ о лите-
ратурѣ, о смерти; отсюда рѣзкій
переходъ къ политику, а въ кон-
це концовъ комната такъ напол-
няется табачнымъ дымомъ, что
спорщики даже не видятъ другъ
друга.

Дмитріевъ умолкъ на минуту и
снова продолжалъ.

— Сколько было свѣта, вѣры!
Всѣ мы чувствовали себя рыца-
рями съ серебряными мечами.
А потому... А потому просто ви-
дишь, что жизнь нѣчто совсѣмъ
иное. Рыцарю и развернуться не-
гдѣ. Какое тамъ рыцарство. Ра-
бота, работа, часто такая проза-
ичная, скучная и незамѣтно:
«Стукъ, — стукъ, — стукъ». Это я
черная, — пожили и довольно». И
не покидалъ. Только расцвѣтѣ
человѣкъ, только сформируется
окончательно, пройдетъ мучитель-
ную школу разочарованій, укрѣ-
питсѧ, — пожить бы, порадоваться
милому солнышку, широко исполь-
зовавъ, достигнутую самостоятель-
ность. Нѣтъ, — иди къ чорту! По-
мню, какъ то разъ, присутство-
валъ я на похоронахъ одного про-
фессора историка. Это уже въ
Парижѣ было. Видѣлъ я его мер-
твую голову. Обычная мертвая голова.
Желтая, точно деревянная, и ничего уже
въ ней, и мнѣ было до боли жаль, что
вотъ, бездна знаній, бездна мыслей, про-
валилась въ какую то отвратительную
яму, сжалась въ мертвый, ничтожный,
уже гниющій комокъ, а рядомъ сотни,
тысячи людей убиваютъ свою молодость
надѣй пріобрѣтеніемъ вотъ этихъ же са-
мыхъ знаній. И помню, на этихъ самыхъ
похоронахъ, я вдругъ неистово расхо-
хотался...

Дмитріевъ снова опустилъ голову. Во
всѣ его фигуры было что то надломлен-
ное, обиженное.
Я всячески старался его развлечь, но
плохо достигалъ своей цѣли. Товарищъ
только грустно улыбался.

Вечеромъ позвали хозяина и приказа-
ли ему на завтра, во что бы то ни ста-
ло, заготовить гуся, свинины и хороши-
го вина.

Онъ доказывалъ, что гуся до-
статъ очень трудно, но, получивъ зо-

Чари Востока.

Гравюра Густава Доре.

лотой, сразу успокоился, улыбнулся и вышелъ.

— Ну, наговорились, поднялся я.—спокойной ночи.

Товарищ задержалъ меня.

— Я хочу тебѣ признаться въ маленькой глупости. Странно, ну какая можетъ быть связь между мною и этими часами? Онъ указалъ рукою въ уголъ. — Однако, всѣ эти дни въ шесть часовъ я испытывалъ странное беспокойство. Знаешь, я даже утромъ просыпался въ это время.

— Пустяки, успакаивалъ я его. Нервы. Да въ этой каменной дырѣ и меня охватываетъ тоска. Неудачно мы выбрали. Завтра лучше уѣдемъ.

Я крѣпко пожалъ его руки. Глаза его смотрѣли странно, беспокойно; щеки горѣли лихорадочнымъ румянцемъ. Признаюсь,—хорошо это помню, я ушелъ въ свою комнату неспокойнымъ.

Было темно, когда я вдругъ проснулся словно отъ толчка. Что то потянуло меня къ товарищу. Я взялъ свѣчу и пошелъ. Было совсѣмъ тихо.

Скрипнула тяжелая дверь, я вошелъ и едва не уронилъ свѣчу.

Дмитриевъ лежалъ на кровати со скрюченными колѣньями. Его грудь была залита темной кровью. И подъ этимъ страшнымъ покровомъ онъ лежалъ желтый, неподвижный, съ широкомъ раскрытымъ ртомъ,—мертвый. Это кровь хлынула изъ его горла—и конецъ. Быстрый, страшный конецъ.

Я наклонился. Онъ былъ еще теплъ.

Машинально я взглянулъ на часы, лежавшіе рядомъ на ночномъ стѣникѣ.

Они показывали ровно шесть.

Ал. Станкевичъ.

СМѢСЬ.

Жюль Кларти въ анекдотахъ.

Покойный Жюль Кларти, въ продолженіе 28 лѣтъ занимавшій отвѣтственный постъ администратора, т. е. директора „Французской Комедіи“, представлялъ собою крупную личность.

Французы особенно памятливы на анекдоты. Сарду, знаменитый критикъ Сарсэ, покойный Кокленъ и т. д., всѣ они завоевали себѣ прочное мѣсто въ „маленькой исторіи“, какъ французы называютъ анекдоты, скромно ютащіеся около большой исторіи. Вокругъ покойного каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ Ле Баржи подавалъ Кларти прошеніе

директора „Дома Мольера“ наслойлось особенно много анекдотовъ. Кларти имѣлъ много враговъ среди актеровъ своего театра. Въ первомъ ряду послѣднихъ, говорятъ „Б. В.“, надо поставить известнаго трагического актера Муне Сюлли, человѣка съ большимъ тактомъ, и актера Ле Баржи, часто не соблюдавшаго по отношенію къ администратору требованій элементарнаго такта. При

своего славнаго, долголѣтнаго служенія французскому искусству, не обращалъ вниманія на эти протесты и продолжалъ крѣпкой рукой держать бразды правленія въ любимомъ театре.

— Да, я дѣйствительно, старъ. Поэтому молодые должны положиться на дѣйствіе неумолимаго закона природы; вѣдь мнѣ вскорѣ придется выйти въ отставку отъ всѣхъ житейскихъ дѣлъ, сказалъ Кларти въ минуту горечи.

„Французская Комедія“ получаетъ правительственную субсидію, и поэтому министръ народнаго просвѣщенія является, такъ сказать, непосредственнымъ начальникомъ администратора первого французского театра. Кларти пережилъ 30 министровъ. Однажды онъ рѣшилъ подвергнуть сокращенію драму поэта Буа, добившагося включения своего произведения въ репертуаръ „Комедіи“, единственно благодаря своимъ связямъ въ министерствѣ. Буа разлегся съ жалобой къ самому министру народнаго просвѣщенія, которому тогда былъ ынѣшній глава французского правительства Думергъ. „Господинъ министръ у меня три начальства, двумъ изъ которыхъ я обязанъ слѣдить послушаніемъ. Во первыхъ, художественная совѣсть, начальство очень взыскательное, во вторыхъ, публика, содержащая театръ и, наконецъ, вы, г. министръ, какъ представитель правительства. Укажите мнѣ, котораго изъ этихъ трехъ начальствъ я могу не послушаться?“

Думергъ вмѣсто отвѣта дружески пожалъ руку Кларти.

Стеклянный госпиталь.

Муниципалитетъ города Филадельфіи ассигновалъ, полтора года тому назадъ, полмилліона долларовъ на устройство специальнаго госпиталя для 500 чахоточныхъ больныхъ. Недавно, по словамъ „Б. В.“, состоялось торжественное освященіе этого учрежденія, единственнаго, пожалуй, въ мірѣ. Филадельфійскій госпиталь можетъ быть, по справедливости, названъ стекляннымъ. Онъ состоить изъ восьми павильоновъ, которыхъ только пролеты сдѣланы изъ стали, стѣны же и потолки—стеклянные. Каждый больной, находящійся въ госпиталѣ, совершенно изолированъ. Провѣтривание помѣщений производится по новой системѣ, при помощи электричества. Въ госпиталѣ устроены особыя приспособленія для добыванія озона, которому теперь придается въ Америкѣ большее значеніе при лечениі легочнныхъ больныхъ.

